© 2021. А. А. Федотова

Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского
г. Ярославль, Россия

Опять «против течений»: новая зарубежная монография о Н. С. Лескове¹

Аннотация: В рецензии на монографию польской исследовательницы, адъюнкта кафедры русистики Варшавского университета М. Лукашевич о творчестве русского классика второй половины XIX в. Н. С. Лескова, вышедшую в издательстве Варшавского университета, анализируется структура книги, подчеркивается широта охвата материала, а также привлекательный для широкого читателя и в то же время перспективный научный подход. М. Лукашевич представляет широкую панораму российской религиозной жизни второй половины XIX в., в контексте которой, исходя из задач монографии, и рассматривается творчество Н. С. Лескова. Внимание автора сосредоточено на анализе наименее изученного пласта прозы Лескова — его публицистики. Многочисленные публицистические высказывания писателя, посвященные актуальным вопросам социальной жизни Церкви, осмысливаются польским филологом в единстве формы и содержания. В рецензии охарактеризован круг проблем, поднятых в монографии, выделены удачные и нетривиальные наблюдения автора новой книги.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, русская литература второй половины XIX в., Русская Православная Церковь, религия, публицистика.

Информация об авторе: Анна Александровна Федотова, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, д. 108/1, 150000 г. Ярославль, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

E-mail: gry_anna@mail.ru

Дата поступления статьи: 29.09.2020

Дата одобрения статьи рецензентами: 26.11.2020

Дата публикации статьи: 22.03.2021

Для цитирования: Федотова А. А. И снова «против течений»: новая зарубежная монография о Н. С. Лескове // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 294–309. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-294-309>

¹ Рецензия на книгу: Лукашевич М. «Я не враг Церкви, а ее друг... и уверенный православный». Церковная проблематика в публицистике Николая Лескова. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. 542 s.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 1, 2021, pp. 294–XXX. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 1, 2021, pp. 294–309. ISSN 2686-7494

Book Review

© 2021. Anna A. Fedotova
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia

Again “Against the Currents”: New Foreign Monograph about Nikolay Leskov¹

Abstract: In a review of a monograph by a Polish researcher, an adjunct of the Department of Russian Studies at Warsaw University, M. Lukashevich, on the work of a Russian classic of the second half of the 19th century Nikolay Leskov, published by the Warsaw University Publishing House, the structure of the book is analyzed, the breadth of coverage of the material and the scientific approach, attractive for the general reader and at the same time promising, are emphasized. Lukashevich presents a broad panorama of Russian religious life in the second half of the 19th century, in the context of which, based on the objectives of the monograph, Leskov's work is considered. The author's attention is focused on the analysis of the least studied layer of Leskov's prose — his journalism. Numerous publicistic statements of the writer dedicated to topical issues of the social life of the Church are interpreted by the Polish philologist in the unity of form and content. The review describes the range of problems raised in the monograph, highlights successful and non-trivial observations of the author of the new book.

Keywords: Nikolay Leskov, Russian literature of the second half of the 19th century, Russian Orthodox Church, religion, journalism.

Information about the author: Anna A. Fedotova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, st. Republican, 108/1, 150000 Yaroslavl, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

E-mail: gry_anna@mail.ru

Article received: September 29, 2020

Approved after reviewing: November 26, 2020

Published: March 22, 2021

For citation: Fedotova, A. A. “Again ‘Against the Currents’: New Foreign Monograph about Nikolay Leskov.” *Dva veka russkoi klassiki*, 2021, vol. 3, no. 1, pp. 294–309. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-1-294-309>

¹ Review of the book: Lukashevich, Marta. “*I am not an enemy of the Church, but her friend ... and a confident Orthodox*”. *Church Problems in Nikolai Leskov's Journalism*. Warsaw, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 2019. 542 p. (In Russ.)

С каждым новым годом XXI столетия все дальше в прошлое уходит для читателя и исследователя история и культура XIX в., ставшего для отечественной литературы, без всякого преувеличения, золотым. Несмотря на постоянно увеличивающуюся историческую дистанцию, эпоха классической русской литературы не теряет своей привлекательности для ученых. Даже наоборот, она заставляет гуманитариев разных профилей, представителей разных стран и культур вновь и вновь обращаться к объяснению своего загадочного феномена, рождая новые ответы на вопрос о причинах неожиданного выхода отечественной прозы в авангард европейской литературы в целом.

Показательно, что интересует феномен русской классики не только представителей русской филологической науки, что было бы вполне закономерно. Русская классическая литература — это традиционная область научных интересов и западной славистики, о неослабевающем внимании которой к отечественному литературному наследию свидетельствуют, например, программы крупнейшей конференции европейских славистов BASEES, традиционно проводимой в Великобритании.

Визитной карточкой русской литературы второй половины XIX в. для европейских читателей и специалистов-филологов, безусловно, выступает творчество Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Но — возможно, к удивлению отечественных читателей — в последнее время рядом с этими именами стало звучать имя автора, чей статус как «классика» русской литературы в России до сих пор не бесспорен, имя Н. С. Лескова. Значительный вклад в изучение и популяризацию творчества Лескова в Восточной Европе внес профессор университета имени Т. Г. Масарика (г. Брно, Чешская республика) Иво Поспишил. Он является не только автором ряда монографий и серии статей о русском писателе, но и организатором регулярно проводимого в Масариковом университете коллоквиума, посвященного наследию Лескова.

В последнее десятилетие среди постоянных участников этого коллоквиума была и автор рецензируемой монографии, крупнейший на сегодняшний день специалист по творчеству Лескова в Польше, Марта Лукашевич. Во время работы над монографией Лукашевич занимала должность адъюнкта кафедры русистики Варшавского университета. В издательстве университета на русском языке и вышла эта книга.

Объем монографии, заголовок которой — по сравнению с объемом и широтой охваченных в монографии тем и материала — звучит довольно скромно, впечатляет. Около 550 страниц убористого текста, почти 615 пунктов в библиографии, среди которых 220(!) первоисточников, 800 имен в именном указателе. Научной ценности монографии добавляет и то, что в качестве материала исследования привлекается почти 70 публицистических статей и заметок Лескова, которые до сих пор не переизданы и цитируются по журнальным и газетным публикациям. Многие из них впервые вводятся в научный оборот.

Выбранная Лукашевич в качестве своеобразного эпиграфа к монографии малоизвестная лесковская цитата — «Я не враг Церкви, а ее друг... и уверенный православный» — подчеркнуто проблемна, что очевидно каждому читателю, который хорошо знаком с биографией и творчеством Лескова. Более того, вопрос о том, был ли все-таки писатель «другом» православной церкви, в современном лескововедении до сих пор однозначно не решен. Конечно, приверженность идеалам Русской православной церкви раннего Лескова — автора «Некуда» и ярого критика «демократических» писателей во главе с А. И. Герценом — или Лескова-семидесятника — автора «Соборян» — не может быть подвержена сомнению. Но как же тогда относиться к Лескову — автору «Мелочей архиерейской жизни»? Лескову, вступившему в полемику с о. Иоанном (Сергеевым) Кронштадским? Наконец, Лескову — последователю идей Л. Н. Толстого, взгляды которого, как известно, привели последнего к отлучению от Церкви?

К сожалению, формат и цели рецензируемой монографии не предполагают развернутого анализа этих действительно проблемных, а возможно, и ключевых для позднего творчества писателя вопросов. Выбранная исследовательницей цитата, как следует из прочтения монографии, — это, скорее, констатация: да, несмотря на все эти факты, Лесков все-таки осознавал и позиционировал себя как православный человек. Однако православие писателя было далеко от всяких шабло-

нов и стереотипов. Каким же было это православие? И — главное — как оно проявилось в писательском творчестве (преимущественно публицистическом)? Скорее, именно на эти вопросы и дает ответ рецензируемая монография.

Композиция книги удивляет своей продуманностью и четкостью. Монография состоит из 6 глав, каждая из которых посвящена отдельной проблеме религиозной жизни российского общества: взаимоотношения церкви и государства, выборности и самоуправления в церковной жизни, духовного образования, положения приходского духовенства, роли и места в обществе монастырей. Перечисление проблем демонстрирует основной ракурс, с которого смотрит Лукашевич на вопрос о религиозных взглядах Лескова: Православие в монографии рассмотрено преимущественно в социальном аспекте, как социальный институт и в тесном взаимодействии с другими социальными институтами Российской империи.

Акцент на социальном — не исследовательская вольность, он объясняется тем, что именно эта сторона религиозной жизни оказалась в центре внимания русской общественной мысли второй половины XIX в. Как отмечает Лукашевич в первой главе исследования, это время — время кризиса религиозной жизни, когда все больше людей стали испытывать сомнения в необходимости функционирования Церкви как социального института, противопоставив этому «институту» личную религиозность. Реакцией на этот кризис во многом и стали церковные реформы 1860–1870-х гг., реализация которых явилась основной исторической предпосылкой того активного обсуждения в прессе проблем религиозной жизни, которое и исследуется в монографии.

Выбранный Лукашевич ракурс исследования хорошо прослеживается в структуре каждой главы: все части работы состоят из трех параграфов. Первый параграф всегда посвящен широкому историческому контексту, в котором рассматривается тот или иной социальный аспект религиозной жизни. Второй — контексту культурному и литературному, и, наконец, в третьем параграфе речь идет о взгляде Лескова на заинтересовавшую его религиозную проблему. Например, третья глава, посвященная вопросу о выборности в церковной среде, состоит из трех следующих параграфов: в первом рассмотрено административное устройство Русской православной церкви в XIX в., во втором проанализированы дискуссии в прессе о попытках воплощения новых форм

церковного управления, название третьего параграфа говорит само за себя: «Византийская рутина и разъединенность как главные проблемы церковного управления в публицистике Лескова» [Лукашевич: 5].

Подобная структура работы кажется удачной и целесообразной: она позволяет Лукашевич объединить в единое целое огромный фактический материал и представить широкую панораму российской религиозной жизни второй половины XIX в., в контексте которой, исходя из задач монографии, и проанализировано творчество Лескова. Избранный исследовательницей ракурс обеспечивает и новизну работы.

Впрочем, последняя определяется также тем, что внимание автора сосредоточено на рассмотрении наименее изученного пласта прозы Лескова — его публицистики. Публицистичность закономерно оценивается Лукашевич как важнейшее свойство литературы интересующего ее периода в целом, в случае же Лескова публицистический дискурс необходим не только для выражения автором собственной позиции по актуальным общественным вопросам, но служит также базой для эстетического эксперимента: публицистические стилевые особенности непосредственно повлияли на художественные произведения Лескова, породив особый пограничный жанр художественного очерка. В единстве формы и содержания и анализируются польским филологом многочисленные публицистические высказывания писателя, посвященные актуальным вопросам социальной жизни Церкви.

Начинает свой анализ Лукашевич с одного из самых болезненных для российского общественного самосознания вопросов — проблемы взаимодействия церкви и государства. В результате анализа документальных источников во второй главе книги Лукашевич приходит к выводу о том, что эта проблема уходит своими корнями преимущественно в период правления Петра I, когда был образован Синод (1721) и ликвидирован институт патриаршества (восстановлен в 1917 г.). С этого времени Церковь попала в стесненное, зависимое от государства положение. В публицистике XIX в. эту тесную зависимость духовной власти от власти светской возводили к традициям византийской государственности и называли специфическим термином «византийство» («византинизм»). Как отмечает Лукашевич, с негативными оценками «византинизма» в XIX в. выступали многочисленные публицисты разных «лагерей», от славянофильски ориентированных (И. С. Аксаков,

С. П. Шевырев, А. С. Хомяков) до представителей демократической критики (Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский).

Проблема «византизма», как известно, широко присутствовала в публицистике Лескова. Наиболее полно она раскрыта в привлекаемых Лукашевич очерках «Борьба за преобладание» («Синодальные персоны»), «Райский змей», «Сибирские картинки XVIII века», цикле прибалтийских очерков («Русские деятели в Остзейском крае», «Иродова работа» и т. д.) Анализ позиции Лескова по проблеме взаимоотношения православия и государства приводит Лукашевич к достаточно парадоксальному, но вполне объяснимому в контексте творчества Лескова выводу. Писатель, безусловно, отрицательно оценивал зависимость духовной власти от светского управления, однако он не считал возвращение патриаршества основным выходом из этой ситуации. В некоторых из своих произведений Лесков даже поддерживал петровскую идею ограничения власти епископата. Причиной подобных резких взглядов, не совпадавших с основным направлением публицистической мысли, был тот факт, что главными для писателя были не социальные, а нравственные причины. Как точно отмечает Лукашевич, для Лескова первостепенна не форма (патриаршество или синодальное управление), а поведение и решения конкретных личностей, их умение и смелость открыто защищать свою позицию.

Третья глава книги — «Выборность и самоуправление или архиерейское всевластие: “желаемое благоустройство нашей духовной администрации”» — посвящена, как кажется, менее острому, но вызвавшему столь же горячие дискуссии в прессе второй половины XIX в. вопросу внутрицерковного управления. В результате реформ Александра II стало возможным открытое обсуждение и критика таких внутрицерковных проблем, как чинопочитание, взяточничество и т. п. Интересно, что публикации подобного рода встречались не только в изданиях демократической направленности («Современник», «Русское слово»), но главным образом в основном органе славянофильства — московской газете И. С. Аксакова «День». Как отмечает Лукашевич, в этой газете утверждение несомненной ценности православия сочеталось с критикой реальной церковной жизни.

Другими проблемами православия, которые анализируются в главе, выступают вопросы выборности и самоуправления, прихода и расширения его прав, а также преобразования церковного суда. Эти

проблемы исследуются на материале малоизученных работ Лескова «Об участии народа в церковных делах», «О христианских братствах в России», «Церковно-приходское хозяйство» и др. Кроме того, Лукашевич отдельно останавливается на исследовании, пожалуй, наиболее спорного лесковского текста на эту тему — цикла очерков «Мелочи архиерейской жизни». Как известно, это произведение быстро приобрело скандальную популярность и стало объектом резкой критики, в том числе со стороны И. С. Аксакова, который до выхода книги очень высоко оценивал лесковскую прозу, посвященную вопросам религиозной жизни.

Проведенный Лукашевич анализ показывает, что, несмотря на расхождения с позицией Аксакова по поводу «Мелочей архиерейской жизни», в целом взгляд Лескова на проблемы внутрицерковного управления был весьма близок славянофилам. Писатель смотрел на Церковь не как на сложившуюся структуру, но как на живой организм, способный меняться. Как доказывает Лукашевич, эта точка зрения Лескова совпадает с взглядами А. С. Хомякова. Анализ статей писателя, посвященных специальным проблемам церковного управления (епископских объездов, духовного суда, брачного законодательства), приводит исследовательницу к выводам не только о том, что Лесков, пожалуй, как ни один из его писателей-современников, хорошо знал подробности церковного быта, но и о том, что в каждом из этих произведений писатель остается верным утверждению идеала простоты и естественности внутрицерковных отношений. Лесков настойчиво указывает также на необходимость укрепления связи между пастырем и народом.

Проблемам пастырства и духовного наставничества, по мнению Лукашевич, особенно актуальным для Лескова на протяжении всей его жизни, польская исследовательница посвящает две следующие главы монографии, на наш взгляд, самые удачные во всей книге в целом. Первая из них — «Проблемы духовного образования в публицистике и беллетристике второй половины XIX века» — знакомит читателей с вопросом о подготовке будущих пастырей. Как всегда, Лукашевич отталкивается от социальных условий и лаконично описывает состояние духовного образования к середине XIX в., подробно останавливаясь на реформах образования 1808–1814, 1840-х и, конечно, 1860-х гг. Реформа 1860-х гг. способствовала, главным образом, тому, чтобы духовное образование стало более открытым и в определенной мере сблизились

со светским. Не случайно одним из ее положений было разрешение обучаться в семинарии всем желающим, а не только детям священнослужителей, а также — не менее важно — открытость семинарии «на выходе», т. е. возможность семинаристам продолжить свое образование в светских высших учебных учреждениях и даже выбрать себе профессиональную деятельность, не связанную со священнослужением. Впрочем, справедливости ради, Лукашевич отмечает, что уже в 1879 г. возможность поступления выпускников семинарий в университет была отменена в связи со значительным уменьшением числа кандидатов в священники [Лукашевич: 238].

В обстановке относительной гласности, установившейся в русском обществе в 1860–1870-е гг., не вызывает удивления тот факт, что реформы духовного образования вызвали бурную дискуссию. Сделанный Лукашевич анализ многочисленных публикаций этого периода демонстрирует, что в обществе присутствовали полярные взгляды на эту проблему, крайней позицией была идея об устранении семинарий в целом и открытии богословских факультетов при светских учреждениях. Более умеренных взглядов придерживались те, кто указывал на необходимость реформирования семинарий. Но всех публицистов объединяла критика семинарского образования, каким оно сложилось к середине XIX в.: особенно часто подчеркивался низкий уровень бытового обеспечения семинарий, недостаток материальной помощи, низкий уровень образования.

Для выяснения позиции Лескова по проблемам духовного образования Лукашевич вновь обращается к малоизученной публицистике писателя — статьям «Эмансипированные семинаристы», «Семинарские манеры», «Таинственные книги», «Академический магистр» и др. Исследовательница отмечает, что Лесков в них в очередной раз выступает как полемист: он отказывается от ставшей к тому времени традиционной критики материального и бытового положения бурсы, но делает акцент на нравственной составляющей подготовки будущих священнослужителей. Писатель указывает на недостаток умений у молодых священников, необходимых для общения с крестьянством, с одной стороны, и дворянством, с другой. По мнению Лескова, духовное образование — это, прежде всего, средство формирования пастырей. Писатель рассматривал процесс обучения священников как одну из граней вопроса нравственного состояния рус-

ского общества на пути его духовного и умственного просвещения и возрождения.

Подробному анализу темы общественного и пастырского призвания духовенства в публицистике 1860-х гг. в целом и в прозе Лескова в частности посвящена пятая, самая значительная по объему глава монографии — «“Того бо ради пастырский чин от Бога уставлен, дабы от Священного Писания научал вверенное себе стадо”: положение и призвание приходского духовенства». В начале главы Лукашевич дает общую характеристику положения приходского духовенства в синодальный период. Она отмечает, что к середине XIX в. сложилась особая «клерикальная субкультура», которая способствовала маргинализации духовного сословия. Замкнутость слоя священнослужителей была преодолена в ходе реформ 1860-х гг., которые привели к преодолению сословной ограниченности и профессионализации священства.

Изменение статуса и роли священнослужителя в обществе стали важной гранью в полемике о Русской Церкви в обществе второй половины XIX в. Эта дискуссия привлекает особое внимание Лукашевич. Показательно, что именно в посвященной этой теме главе монографии исследовательница обращается не только к публицистическим, но и к беллетристическим произведениям писателей 1860–1890-х гг., что, безусловно, придает главе большую научную широту и интерес. Именно материальное положение и общественный статус приходского духовенства польский филолог выделяет как главные темы, поднятые во второй половине 1850-х гг. в дискуссиях о положении Церкви в России. В первое время, особенно в светских изданиях, преобладал обличительный тон. Как отмечает Лукашевич, публицистами подчеркивалось, что такие распространенные среди русских людей слабости и пороки, как «пьянство, невежество или грубость, влияют на нравственное состояние духовных лиц, являющихся обычными людьми с множеством земных забот» [Лукашевич: 275].

Впоследствии эта крайность была преодолена, и в публицистике — а за ней и в беллетристике — сформировалась оппозиция, когда негативному образу пастыря, «скопидому» [Лукашевич: 292], «наемнику» и «требоисполнителю» был противопоставлен иной образ священнослужения, основой которого считалась «глубокая вера, которой сопутствовали такие черты, как благочестие, внимательность к окружающему миру, в особенности к потребностям других людей, достоинство

и в то же время смирение и скромность» [Лукашевич: 290]. Круг деятельности пастыря при этом оставался вполне традиционным, в него входили духовные беседы, проповедь, борьба с суевериями, посещение больных и умирающих и т. п.

Интересно и следующее наблюдение польской исследовательницы: охарактеризованная ею оппозиция «пастырь» — «наемник» часто реализуется с помощью конфликта представителей двух поколений духовенства, старшего и младшего. Однако, как отмечает Лукашевич, молодое поколение священников не было однородным, в него входили представители разных направлений и течений, что также отразилось в публицистике и беллетристике тех лет. «Молодой священник» мог быть представлен и как «добрый пастырь», активный приходской деятель, порывающий с рутинной «отцов», но и как «светский франт, новаторство которого сводилось лишь к громким словам и заявлениям в соединении со стремлением отказаться от традиций духовного сословия и уподобить свой внешний вид и образ жизни дворянству» [Лукашевич: 293].

В утверждении нового взгляда на священнослужителя публицистика и беллетристика (Лукашевич анализирует произведения Н. Хвощинской, публиковавшейся под псевдонимом В. Крестовский, И. Никитина, Ф. Решетникова, М. Осокина, Марко Вовчка — псевдоним Марии Вилинской-Маркович) оказываются тесно переплетенными. Как подчеркивает Лукашевич, и публицистическая, и художественная литература были направлены на достижение одинаковых целей — изменение общественного положения духовенства. По мнению исследовательницы, сдвиг в самосознании священников и изменении их статуса в обществе выразились в деятельности Иоанна Кронштадского — первого канонизированного приходского священника, пользовавшегося авторитетом и популярностью в обществе.

Вопрос пастырского призвания священнослужителя в творчестве Лескова предстает перед читателем разными гранями: от проблемы взаимоотношения священника с паствой, прежде всего крестьянской, до создания образов известнейших приходских священников XIX в. Для того чтобы сформулировать авторский идеал священнослужителя, Лукашевич прибегает к цитате из статьи Лескова, в которой писатель приводит совет старца Ионы: «Не живите особняком от народа, а живите так, чтобы знать каждого прихожанина, и быт его домашний, и

совесть, и огорчения... вот и будете своя от своих и станете пастырем» [Лукашевич: 305].

Показательно, что если в публицистике Лесков был достаточно однозначен в утверждении своих взглядов на проблемы взаимоотношения священника с приходом, то в беллетристике писатель показал сложность и нелинейность отношений самого «доброго» пастыря с его паствой. Как точно пишет Лукашевич, по «глубокому убеждению Лескова», «русский народ не знал заповедей и удивительным образом сочетал в себе прирожденное нравственное чутье с жестокостью и невежественностью» [Лукашевич: 314]. Поэтому подготовку священников к просветительскому служению среди крестьян писатель считал важнейшей задачей духовной школы. Народными просветителями представлены лучшие герои-священники Лескова: отец Алексей из рассказа «Погасшее дело» («Засуха»), протопоп Савелий Туберозов из романа-хроники «Соборяне». И тем не менее в каждом из этих текстов священнослужитель показан как лицо трагическое и одинокое, как человек, который не может найти глубокого понимания со стороны своих прихожан.

В публицистических и художественных произведениях, посвященных приходскому духовенству, Лесков часто прибегал к документальным подробностям и обращался к примерам реальных священников. Лукашевич рассматривает рецепцию писателем деятельности о. Александра Гумилевского, петербургского священника, основавшего при своей церкви в 1863 г. Рождественское братство, которое занималось обширной благотворительностью и просветительской работой. Сделанный исследовательницей анализ демонстрирует, что восприятие деятельности о. Александра Лесковым не было статичным и зависело от эволюции писательского мировоззрения. В 1860–1870-х гг. писатель оценивал его личность исключительно высоко. Между тем к концу жизни, когда взгляды Лескова на Русскую православную церковь, как известно, изменились не в лучшую сторону, в его творчестве появились негативные отклики о личности священнослужителя.

Пожалуй, наиболее спорная страница поздней биографии Лескова — его отношения к о. Иоанну Кронштадскому. Лукашевич, безусловно, не смогла избежать анализа и оценки этой стороны лесковского творчества. Исследовательница оправданно связывает отрицательные отзывы Лескова об о. Иоанне с антитолстовскими выступлениями по-

следнего: как известно, в 1880-е гг. Лесков с большим пиететом относился к деятельности Толстого. Между тем в 1890-е гг., когда Лесков несколько охладел по отношению к Толстому и особенно неприязненно стал относиться к толстовцам, в его прозе изменился — в лучшую сторону — и облик о. Иоанна, что наиболее ярко отразилось в повести «Полунощники».

Начиная с 1870-х гг. Лесков стал освещать очень существенную для него проблему неподготовленности духовенства к пастырской деятельности, которая, по мнению писателя, была одной из весомых причин распространенности в России разнообразных религиозных движений, в том числе старообрядчества и протестантизма. Сделанный Лукашевич подробный анализ публицистики Лескова, посвященной этому вопросу, приводит ее к выводу о том, что «лучшим способом противостояния распространению неправославных религиозных движений публицист считал не борьбу с ними, а духовное возрождение Церкви, оживление ее просветительской и благотворительной деятельности, повышение умственного и нравственного уровня духовенства» [Лукашевич: 404]. При этом писатель полагал, что путь к улучшению церковной жизни лежит именно в развитии образования и просвещения, а не в идеализированном прошлом, к которому постоянно обращались в своих поисках консерваторы. Исторические очерки Лескова свидетельствуют, что нравы и обычаи духовенства в прошлом зачастую были даже хуже современных.

Последняя глава монографии — «Монастыри и монахи в меняющемся обществе эпохи реформ» — по своей проблематике, как видно уже из ее названия, несколько выходит за рамки книги. Если обсуждавшиеся до этого вопросы церковной жизни были напрямую инициированы реформами второй половины XIX в., то, как подчеркивает Лукашевич, «церковные реформы 1860-х – 1870-х гг. почти не коснулись монастырей» [Лукашевич: 414]. Монашеская жизнь, не став объектом пристального внимания церковных реформаторов, в меньшей степени, чем ранее поднятые исследовательницей проблемы, привлекла и интерес публицистов. «Монастырский вопрос» касался двух главных проблем: роли монашества в церковной жизни и устройства монастырей [Лукашевич: 415]. Между тем и в этой главе содержится ряд интересных наблюдений по поводу проблематики и поэтики лесковских произведений. Так, исследовательница утверждает, что, по мнению

писателя, «высокий уровень нравственности насельников, их трудовой и молитвенный подвиг привлекают людей в большей степени, чем чудотворные иконы и мощи святых» [Лукашевич: 471]. Значим и вывод Лукашевич о том, что «монастырский вопрос» появился у Лескова сначала в беллетристике и путевом очерке и «лишь затем вошел в его проблемные статьи, в отличие от других церковных проблем, которые писатель сначала рассматривал в публицистике и потом претворял в художественные образы» [Лукашевич: 472].

Монография польской исследовательницы предлагает русскому читателю — а именно на него и ориентирована в первую очередь книга, ведь она написана на русском языке — новый взгляд на творчество классика русской литературы второй половины XIX в., Николая Лескова. В монографии нарисован живой портрет Лескова — глубокого знатока весьма специальных вопросов церковной жизни Российской империи. Малознакомая даже специалистам, не говоря уже о широких кругах ценителей русской литературы, публицистика писателя стала той призмой, которая позволила Лукашевич собрать в единое целое пеструю мозаику мнений, взглядов на центральные проблемы Русской православной церкви синодального периода.

Реформы 1860–1870-х гг. инициировали небывалую по силе дискуссию по поводу вопроса о состоянии Церкви в России. По глубине поднятых и осмысленных тем, как и по охвату вовлеченных в эту дискуссию крупнейших русских писателей и мыслителей, от Л. Н. Толстого до Иоанна Кронштадского, от Н. Г. Чернышевского до И. С. Аксакова (вспомним 800 имен в именном указателе книги), эта дискуссия, безусловно, не имеет аналогов ни в прошлом, ни в настоящем нашей страны. Проведенная в ходе ее серьезнейшая рефлексия стала основным фактором подготовки к внутрицерковной реформе, которую отчасти реализовал поместный собор 1917–1918 гг.

Сделанный Лукашевич анализ показывает, что в ходе дискуссии Лесков проявил себя не только как глубокий специалист по вопросам религиозной жизни, но и как яркий полемист, не боявшийся утверждать свою точку зрения, даже если она была явно «против» господствующих «течений» (если воспользоваться удачным выражением А. И. Фаресова). Православие писателя предполагало оправданный максимализм в утверждении собственного взгляда на проблемы взаимоотношения церкви и государства, места прихода в церковной жизни, духовного

образования, роли и статуса священнослужителя в обществе. Объединяло разнообразные высказывания Лескова о Церкви главное — постоянный примат личности; утверждение большей роли частного, а не официального; нравственного, а не социального. Идеал сострадания и деятельной любви, пронизывающий прозу писателя на протяжении всего его творчества, стал той мерой, с которой Лесков подходил к человеческой личности. А акцентирование писателем индивидуального опыта церковной жизни, как точно отмечает Лукашевич, стало вкладом писателя в формирование специфического типа религиозности нового времени.

Список литературы

Исследования

Лукашевич М. «Я не враг Церкви, а ее друг... и уверенный православный». Церковная проблематика в публицистике Николая Лескова. Warsaw, Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2019. 542 s.

References

Lukashevich, Marta. *“Ja ne vrag Tserkvi, a ee drug... i uverennyi pravoslavnyi”*. *Tserkovnaia problematika v publitsistike Nikolaia Leskova* [“I am not an Enemy of the Church, but Her Friend ... and a Confident Orthodox.” *Church Problems in Nikolai Leskov’s Journalism*]. Warsaw, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego Publ., 2019. 542 p. (In Russ.)